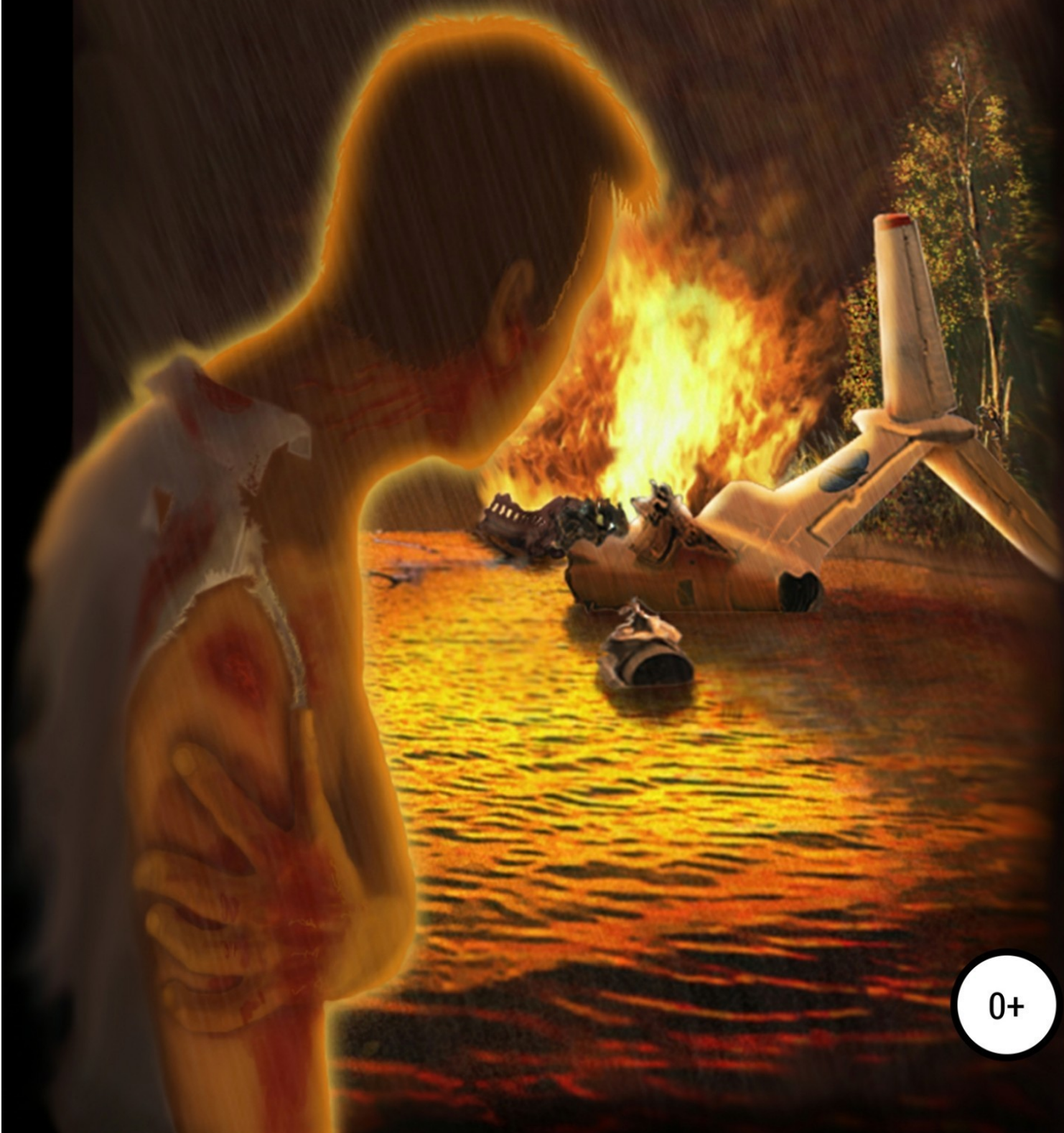

ВОЗДУШНАЯ СПАТНИ ПРАЙЧЕК ЯРОСТЬ

0+

Сплэтни Прайчэк
Воздушная ярость

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Прайчэк С.

Воздушная ярость / С. Прайчэк — «ЛитРес: Самиздат», 2004

ISBN 978-5-532-11732-7

«Воздушной яростью» именуется острая, неадекватная реакция неуравновешенных, либо просто нетрезвых людей на специфические условия авиаперелёта. Течение психоза нередко сопровождается навязчивыми видениями и состояниями, суть которых грубо противоречит реальной ситуации. Что, в свою очередь, выражается в сильном расстройстве восприятия личностью настоящего мира с сопутствующей дезорганизацией привычного поведения. Повесть "Воздушная ярость" предлагает возможность подняться на борт воздушного судна в компании такого вот начинающего авиадебошира, и проследовать рейсом Д-352 до... скажем... "до окончания полёта". Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-11732-7

© Прайчэк С., 2004
© ЛитРес: Самиздат, 2004

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Часть I

...«Воздушная ярость» – довольно распространенная реакция неуравновешенных, а иногда нетрезвых людей на специфические условия авиаперелёта. Приступы «воздушной ярости» подвергают опасности жизни и здоровье других пассажиров и могут оборачиваться огромными убытками, потому что иногда самолеты приходится сажать совсем не в том аэропорту, куда они направлялись...»

(По материалам зарубежной печати)

За высокими стёклами зала ожидания аэропорта вечерело. Таял на верхушках деревьев закатный отсвет. Тень от здания терминала накрыла привокзальную площадь. Лишь на самом краю её продолжал сиять, всеми стеклами отражая расплавы уходящего солнца, прикованный к постаменту белоснежный турбовинтовой гигант – бывший флагман гражданского воздушного флота.

Высокий мужчина лет сорока – сорока пяти, с висками едва тронутыми сединой, стоял у окна. Он держал за спиной плоский чемоданчик и смотрел, как день угасает.

Вот мужчина качнулся с пятки на носок и выбил ногтями по пластику своего чемоданчика краткую неровную дробь. «М да. Что-то я совсем расклеился. Нервы шалят невыносимо» Ему страшно не хотелось лететь.

Но и не лететь было нельзя. Деловая поездка закончилась. Он получил техническое задание, которое завтра же следовало довести до ведома персонала и начинать работать. От того, как быстро и слаженно сотрудники компании справятся с поставленной задачей и будет зависеть, получит ли предприятие заказ на производство всей партии продукции или нет. А это очень и очень крупный заказ.

Чемоданчик вновь отозвался беспокойной дробью: «Ох, баб Шура, баб Шура! Столько лет ты мне не снилась, а тут – на тебе – пожалуйста», – подумал Борис (а именно так звали мужчину) и снова озадаченно сдвинул брови к переносице. Он никогда не верил в приметы и вещие сны. А с предчувствиями разбирался довольно просто: мол, если судьба на пути и уготовит какой-нибудь неожиданный капкан, то обойти его труда не составит. Стоит лишь надлежащим образом настроиться и держать себя начеку.

Однако реалии сегодняшнего сна вполне могли положить начало разрыву стройной структуры давно устоявшихся жизненных директив. Осадок, оставшийся после него, вызывал в душе настоящее смятение, изначально отвращая от самой поездки в аэропорт.

А как иначе? Ведь покойницу он увидел сидящей рядом с собой в самолёте. Мало того, в память прочно врезались её слова: «Ох, Борька, Борька, держись! Тяжелое испытание ляжет на твои плечи сегодня. Вспомни, что я тебе говорила, чтобы его вынести. Сам беды избежишь и других от смерти избавишь». При этом самолёт во сне всё больше и больше кренился набок пока, наконец, с полок не посыпались сумки и прочая ручная кладь.

Борис отвернулся от окна. Взглядом прошёл по залу ожаидания. Нет, никто из людей не проявлял видимых признаков беспокойства. Нетерпение, скука читались на лицах многих. Но не страх.

Значит, и ему следовало эту аэрофобию срочно, каким-то образом, обуздать. Он слишком часто пользовался услугами воздушного транспорта, чтобы считать его опаснее железнодорожного или автомобильного и летать никогда не боялся. Пусть, – думал он, – в авиакатастрофе за раз погибает намного больше людей, чем в автомобильной аварии или при крушении поезда, но ведь и падают-то самолёты в десятки – да что там! – в сотни раз реже.

Борис вновь свёл брови к переносице, закрыл глаза и сосредоточился, – имелся у него такой, как бы яснее описать эту особенность – небольшой дар предвидения, что ли, – но углядеть себя гибнущим в ближайшие часы так и не смог. Тем более при крушении авиалайнера. Знак хороший. А стало быть, и бояться предстоящего перелёта не следовало.

Борис открыл глаза и повернул голову. Взгляду предстала галерея второго яруса терминала, где находился буфет. Все так же продолжая придерживать кейс за спиной, Борис неторопливо развернулся, и двинулся через обширный зал по направлению к лестнице.

Лампы в аэропорту еще не зажгли. Над стойкой бара горели алым подвесные светильники. С удивлением отметив, что он единственный посетитель заведения на данный момент, Борис заплатил за коньяк, взял предложенную рюмку, упаковку нарезанного лимона и направился к столику у парапета.

Он чувствовал себя виноватым перед бабулей. Очень уж долго не вспоминал о ней и до сих пор так и не побывал у неё на могиле. А ведь она многое значила для него. Более светлого и мудрого человека ему ещё не приходилось в жизни встречать. Люди часто приходили к ней за духовной поддержкой. На всё село она была единственной христианкой и регулярно посещала храм – единственную уцелевшую в округе, а может быть даже и во всей области, церквушку. Её звали читать молитвы над усопшими. И хоть в те времена подобные вещи, мягко говоря, крепко не поощрялись, она не раз бралась лечить посредством молитвы многих из тяжело хворавших односельчан. Кстати сказать, вовсе не безуспешно.

«Каюсь, бабуль, – мысленно повинился Борис. – Не вспоминал я Бога. Давно не вспоминал, хоть и учила ты, всякий раз сажая меня на поезд: «Тяжела и суетна жизнь в городе, но ты знай – Бог о тебе всегда помнит. И ты тоже не стесняйся любить Его и почаще к Нему обращаться. Пусть коротко: «Господи, помилуй», – коль беды хочешь избежать иль испытание какое пройти достойно. «Благослови, Господи», – говори, если дело предстоит тебе доброе и надобно его до конца довести без помех всяческих». Не до того, мне было. Ты ж знаешь, детство всё во дворе прошло. В жизнь, иной раз, зубами приходилось вгрызаться, чтоб вырвать и себе от неё тоже, хоть мало-мальски ценный, кусочек.

Но ты права. Давно я не «крестил лба», не просил «помиловать», «благословить». Молитвы, которым ты меня научила, я сейчас едва вспомню. А это не правильно. Не правильно, я знаю».

Борис сложил пальцы правой руки в щепоть и осенил себя знамением, шёпотом при этом добавив: «Упокой, Господи, душу рабы Твоей Александры». Очень легко и естественно это у него получилось. Будто бы и не было перерыва, лет этак в тридцать длиною.

Опустевшая рюмка вернулась на поверхность стола. Под высоким потолком терминала стали загораться плафоны. «Прости, баб Шура, но не получится у меня сейчас открыть Ему душу. Всё время обманываю себя: что, мол, потом – сейчас не время. Тяну. И вру! Боюсь! Боюсь поменять привычный образ жизни. Боюсь начать чувствовать себя кому-то в чём-то обязанным. Индивидуальность свою потерять боюсь! Я ж знаю – от неё в большей части придётся отказаться, когда вера не «лишь бы», а по-настоящему. Как у тебя...

Но я приеду. Обещаю, что обязательно приеду к тебе на эти же выходные. Могилка твоя, наверное, вся заросла, но я отыщу. Сам все почищу и приведу в порядок. Закажу памятник...»

– УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ! – ожили вдруг гигантские громкоговорители, – ОБЪЯВЛЯЕТСЯ РЕГИСТРАЦИЯ НА РЕЙС Д 352...

Борис вздрогнул и, будто, проснулся. Он снова был в аэропорту. Многократно усиленный голос из динамиков объявлял регистрацию на рейс. Его рейс...

И тут с окружающей его реальностью произошла удивительная метаморфоза – всё: и разгорающиеся под потолком плафоны освещения, и голос в репродукторе, и даже само место за столом у парапета – всё стало вдруг донельзя знакомым. Так же, как и тогда толпа качнулась в направлении регистрационных стоек.

Матери стали спешно ловить расшалившихся детей, а мужчины принялись разбирать сомкнутые в единое каре багажные сумки и чемоданы. Так же точно, как и тогда зашелестели лепестки информационного табло, выстраивая буквы и цифры в необходимом порядке:

РЕГИСТРАЦИЯ

РЕЙС Д 352...

Всё-всё-всё было таким же, как и тогда: матовый свет из-под высокого потолка, лестницы, спускающиеся и поднимающиеся по ним люди, голос из динамика, суетная очередь и... даже, стоящая в её хвосте, худощавая рыжая девчонка. Мало того, она ещё и одета была во всё оранжевое, как и тогда. Когда – тогда? Припомнить не представлялось возможным, но такую деталь трудно забыть.

Реальность стала вдруг видимой, словно сквозь воду, по которой бежали волнами беспокойные круги. Почудилось, что и тело стало вдруг непривычно объёмным, чужим – неподвластным и ватным. Кисти рук будто вспухли чрезмерно и отяжелели. Борис, было, глянул на них, но быстро убедился – нет, они не уподобились ладоням Микки Мауса. Тактильная галлюцинация, может быть, имела место, но не более.

Он тяжело задышал – тревога в груди стремительно нарастала. Вот так и, именно так, он уже когда-то садился на этот рейс. Рейс, который завершился катастрофой при заходе самолёта на посадку.

Надо уйти отсюда. Надо выйти на воздух, на улицу. Покурить. Выйти куда угодно, только – выйти, выйти из этого состояния скорее! Борис принялся беспорядочно собираться.

– С Вами всё в порядке? – крикнул из-за стойки бармен. Пусть перед ним уже стояли несколько новых клиентов, однако парень сумел заметить, как побледнел и потерял контроль над собой один из посетителей бара. – Вам не плохо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.